

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЕВА

НА ВЕТРАХ РАЗБОЙНЫХ ЛЕТ

Валентина Коростелева

На ветрах разбойных лет

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Коростелева В.

На ветрах разбойных лет / В. Коростелева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Повесть «На ветрах разбойных лет» - детектив, история о том, как пятеро друзей, бывших одноклассников, смогли остановить в небольшом подмосковном городе беспредел теневого хозяина, подмявшего под себя в большой степени и «власть имущих». Параллельно развиваются линии юношеских влюблённостей, драматические семейные перипетии главного героя – Олега Петровича. Кстати, все пятеро – Петровичи, что в своё время было замечено учительницей и косвенно послужило началу дружбы, протянувшейся через всю жизнь. Несмотря на криминальный фон, идея повести – главные человеческие ценности: дружба, любовь, преданность своей малой родине и людям, живущим на ней, - остаются во главе угла любой судьбы, любой достойной личности.

© Коростелева В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ – ИЛИ?...	6
НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА	8
ПЕТРОВИЧИ	10
ЗА СТАЛЬНОЙ ДВЕРЬЮ	13
ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО	15
ОБМАНУТЫЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валентина Коростелева
НА ВЕТРАХ РАЗБОЙНЫХ ЛЕТ
(детективная повесть)

«Не дай бог жить в эпоху перемен...»
(восточная мудрость)

*«А мы проскочим, пролетим,
была бы вера...»*

(из песни)

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ – ИЛИ?...

– Красивая у меня дочь, чёрт возьми! А, внученька? – Олег Петрович с Леночкой – курносой, со светлыми кудряшками над тёмными карими глазами – склонился над шикарными цветными фотографиями, прилетевшими аж из самого Дрездена. – Я рад, что Рита там хорошо устроилась. Она любит свою работу.

– Тем более, когда на все четыре стороны – Европа! – Лена, десятиклассница стандартной подмосковной школы, мечтательно закрыла глаза. – Европа!

– Не вздыхай, видишь, Рита пишет, что договаривается о продолжении твоей учёбы там. И в языке поднатрещешь, и вообще...

– А чё сразу загрустил?...

– Так кому же хочется с внучкой расставаться? – Олег Петрович привлёк её к себе...

– Ну, это же ненадолго! И бабушка, как-никак, рядом. Да и вообще, ты вон ещё какой орёл у нас!

Худощавый, собранный, по-прежнему привлекательный Олег Петрович, – правда, уже без той горделивой осанки, что прежде, – сейчас, на пенсии, был счастлив уже тем, что имел замечательный тыл в лице Светланы Ивановны, жены своей, и самой большой радости – внучки. Слава Богу, у дочери складывалось всё нормально. Когда-то в турпоездке она познакомилась с немецкой девушкой Зигфридой, знакомство переросло в дружбу, и вот сегодня по контракту Галина работает там в турбюро. Судя по всему, жизнью довольна, вот и Лену к себе вытянуть хочет. Что ж, пришли свободные времена, и слава Богу. Может, наконец-то у дочери и личная жизнь устроится. Брак оказался случайным и недолгим.

Резкий звонок в квартиру нарушил семейную идиллию.

– Здесь живут Егоровы? – на пороге стоял милиционер. – Там, на улице, произошло несчастье... Светлана Ивановна – ваша жена?...

Олег Петрович хотел вскочить из-за стола, и не смог. Ноги будто приросли к полу. А Лена уже мчалась лестничными пролётами, забыв о лифте...

В какой-то сотне метров от дома стояла «скорая», тут же, как всегда, собралась толпа.

– Господи, как же это произошло? – спрашивали друг у друга прохожие.

– Говорят, попала под машину, что выскочила из-за угла. Машина-то грузовая!

– Вроде, не старая ещё... Видно, из порядочных... Такие аккуратно себя ведут...

– Толпа-то у этого перекрёстка вон какая всё время собирается! Может, кто-то и подтолкнул...

– Боже мой, да что же это творится! Озверели мы, что ли?

С трудом совладав с собой, вышел из дома Олег Петрович. Жену уже увезли в больницу, Лена умчалась вслед. Он стоял у киоска с мороженым – окаменевший, и только одно стучало в виске: «Вот и дождался, вот и дождался...» Он не сомневался – анонимные угрозы были не шуткой.

Врачи оказались бессильны, и вскоре на полупустом новом кладбище вырос ещё один холмик...

– За что – жену?! – Олег Петрович от отчаяния и боли чуть не скрежетал зубами. – Почему – не меня? Возьми же ты, сволочь, что хочешь, и жизнь мою, если иначе не можешь, но оставь, оставь в покое моих близких! – он не заметил, как сорвался на крик.

В комнату вбежала Лена, испуганно уставилась на деда. Потом подошла, обняла за голову. – Кому это ты?

– Да так, никому. Отчаяние заговорило... А тебе надо собираться в Германию, сроки поджимают...

– Ты думаешь, что говоришь? Разве я оставлю тебя? У меня ведь нет контракта, я вольна в своих действиях. Но ты должен мне всё рассказать. Нельзя – так вот, в себе держать. Ладно, дед?

– Хорошо. Соберусь с силами – и расскажу.

– И хватит сидеть дома! А то и впрямь с ума сойдёшь. Пошёл бы вон, погремел по столу с доминошниками, и то – не один! А то, как сыч одинокий!.. Господи, прости, дед. Не могу я на тебя смотреть, совсем концы отдаёшь. Хоть бы товарищей каких завёл!

– Товарищей? – Олег Петрович словно опомнился, но снова сник. – Настоящие друзья – там, в юности, остались. Пятеро нас было – с улицы Светлой... Иван, Тимофей, Маша, Изольда... Я тебе рассказывал о них.

– Ну и что? Никаких адресов, телефонов?

– Увы. В молодости кажется – будут ещё и друзья не хуже, и встречи интересные. И не особенно ценишь то, что было, что судьба подарила. Так и растеряли друг друга...

– Ну, фотографии хотя бы есть?

– Так, кое-что...

– В общем, договорились. Во-первых, я никуда не еду. И здесь можно человеком стать. Окончу школу с медалью – и, авось, что-то путёвое найдётся. Сейчас этих колледжей и вузов – хоть пруд пруди. Во-вторых, ты находишь фотографии вашей пятерки великолепной – и мы начинаем поиск друзей. Да?... И в-третьих, ты рассказываешь мне всё, что ест тебя поедом до сих пор...

– Но Лена...

– Не сейчас, когда сможешь. Ладно?

– Господи, Ленка, что бы я без тебя делал?

– Ну, без меня – не знаю, а со мной – обедать пора. Не слышишь, какие запахи с кухни плывут?

– Мои любимые котлеты?

– А то как же! Чему-нибудь, кроме языка, и я научилась! А потом пойдём в парк проветриться. Погода-то вон какая! Да и воскресенье притом! Завтра уже не приглашу!

Олег Петрович смахнул непрошеные слезы, внутри что-то отпустило – впервые за эти чёрные недели. И пошел на кухню.

НЕЖДАНАЯ ВСТРЕЧА

Прошёл почти год. Лена очень много занималась, сняла богатый урожай пятёрок и готовилась к экзаменам в институт.

Олег Петрович, чтобы не сидеть дома, стал помогать дипломникам в ближайшем техническом вузе. Да и лишний рубль нынче пенсионеру весьма кстати. Хоть Галина и присылала время от времени свои марки, но расходов с взрослеющей внучкой становилось всё больше, и стабильный «довесок» к пенсии прибавлял и стабильность самой жизни.

Друзей отыскать пока не получилось. Сам Олег Петрович находился всё ещё в заторможенном состоянии, а Лена, сделав пару неудачных попыток, положила, как говорят, на волю Бога, к тому же и времени ни на что, кроме учёбы, не оставалось.

Но однажды, добрым октябрьским днём, произошло такое, о чём и мечтать Олег Петрович не смел...

В тесном коридоре, перед дверьми с табличкой «Совет ветеранов» скопилось порядочно народу. Коридор делился надвое, на левый и правый. Влево шла очередь на запись, вправо – на приём. В руках у людей были потрёпанные бумаги – давние решения судов. Дело в том, что и в этом подмосковном городе нашлась своя «МММ», и так же успешно надула большинство жителей. Более-менее обеспеченные давно махнули на это рукой, приумножая денно и нощно свои богатства, а пожилые всё ещё надеялись, что справедливость возьмёт своё, и вернут им кровные денежки, а воры будут наказаны... О деньгах пока речи не было, но документы исправно принимали, вселяя хоть какую-то надежду в сердца ветеранов.

– Господи, собрала я то, что осталось от 92 года на книжках, и – ухнула последние денежки! – сокрушалась старушка.

– Зато Администрация города успела и на процентах поживиться, и все сполна получить! Видать, в связке работали...

– А чё удивляться! Рыба-то с головы гниёт!

– Вот стоим, мёрзнем в холодном коридоре, присесть негде, а тогда-то, помните, как нас принимали? – продолжила старушка.

– Как не помнить! Ну, просто как родных людей! И лица симпатичные, и кругом чистота и тепло, и речи ласковые... Ну, прямо благодетели, и только! – подхватил бойкий на язык, почти весёлый мужик с добродушной улыбкой. О таких говорят: свой в доску. Таких останавливают на улице и с ходу начинают просить совета, а то и помощи. Это и есть Тимофей, один из главных героев нашей повести.

А в другой стороне коридора молча нёс свою «вахту» Олег Петрович.

– А вы... вы тоже здорово погорели? – обратилась к нему толстая, всё ещё молодящаяся особа, явно претендуя на внимание товарища по несчастью.

– Да, и я, дурак, не устоял. Не были мы готовы к такому тотальному обману, что подделаешь. Вот и учимся до сих пор...

– Ой, и не говорите! И ведь не знаешь, откуда очередная каверза выплывет! У меня сын только-только начал вставать на ноги, только-только с кредитом расплатился, как – бац! – и август 98-го. Сейчас опять на нуле.

– Тут уж само государство постаралось! – включился в дискуссию бомжоватый на вид тип. – Власти-то, небось, и соломку под себя постелить успели, а нашего брата – опять по башке!

– То-то и оно! Какая голова выдержит всё это! – подхватила толстая, искоса взглядывая на Олега Петровича. – Вот и пьют люди, и колются, и во все тяжкие пускаются!

– Ой, и вправду мало хорошего, – заключила старушка. – Жить-то как-то надо, вот и мыкаются люди, кто во что горазд.

Тут из дверей вывалились сразу трое, началась толкотня, очередь задвигалась, заново занимая свои позиции. Разговор угас сам собой.

Через час и Олег Петрович, выйдя из кабинета и продравшись сквозь очередь, оказался, наконец, на улице. Прошёл несколько метров, присел на скамейку во дворе.

«Дожил, однако», – думал он про себя. Ему, занимавшему важные посты в обкоме, привыкшему к хорошему во всех смыслах обхождению, – даже в последние, смутные, годы не часто приходилось оказываться в таких толкучках, среди столь разных людей. И в то же время какой-то интерес ко всему этому не давал места обиде и злости. Он впервые был так близко с теми, кто имел право судить власти, в ком, несмотря на внешнюю убогость, чувствовались истинная сила и справедливость. И это грело.

– Боже мой, Олег Петрович?

Рядом стояла женщина, весьма приятная на вид. Одежда, ухоженное лицо, и главное – почти волоокие глаза, какие в таком возрасте бывают не часто.

– Изольда, неужели? И ты – оттуда?

– Куда деваться, – она погрузилась, но глаза не погасли. – А ты... ты где-то здесь живёшь?

– Да, неподалёку. Вот, вернулся в родные места.

– Ты ведь, кажется, на Урале работал?

– Да, почти. И немало. Пока...

– Что пока?...

– Пока не уволился из обкома и не переехал сюда с женой и дочкой. – Он помедлил, но, привыкший к точности во всём, добавил: – Жена погибла. Несчастный случай.

– Боже мой, Олег Петрович...

– Да, вот так... Но хватит об этом. Присаживайся. Как ты? Слышал не раз – и по радио, и вообще...

– Ой, Олег Петрович... – Изольда почти смутилась. – Много чего было. И замужество, правда, недолгое, и взлёты, и...

– Ну, ну, ты и сейчас, я смотрю, – просто молодец. И далеко живёшь?

– Да нет, во «фрегате» этом! – и она показала на длинный домик в 12 этажей.

– Неужели? И я – там! Нет, ты только подумай!..

– А чего удивляться? Город-то небольшой, считай, целый микрорайон уместился... в каютах этих! Помните, у поэта: «Куда ж нам плыть?...»

– Ну, хватит сидеть. А то замёрзнем. Встаём?

– Конечно!

Они пошли по скверу, уже почти голому. Вдруг к Олегу Петровичу подбежал мальчишка лет четырнадцати.

– Дядя, дай закурить, а? – и молящими глазами впился в лицо, будто в душу.

– Я вообще-то... – Олег Петрович почти виновато смотрел на мальчишку.

– Я тебе сейчас дам закурить! – откуда-то сбоку рванулся к ним полноватый мужчина с румянцем на щеках и взъерошенной головой. Он дёрнул мальчишку за руку, взглянул на Олега Петровича, чтобы извиниться, и... почти потерял дар речи.

– Как, это... вы?

– Тимофей! Вот это да! Изольда, сегодня что-то произошло с планетами!

– Тимошка! – и женщина, забыв о возрасте, как девчонка, повисла у него на шее.

Удивлённый до самых печёнок внук стоял в стороне...

ПЕТРОВИЧИ

– Вот это да!.. – Олег Петрович, искренне радуясь, долго жал руку Тимофею. – Это ж надо!.. Сколько лет!.. И ты – оттуда? – и он кивнул в сторону ветеранской конторы.

– Откуда же ещё? Уж больно нас много, обманутых-то! – с непонятной для посторонних радостью громко причитал Тимофей.

– Да уж, считай, вся Россия! – посерьёзnel Олег Петрович.

– Нет, ребята, только не о политике! – Изольда тянула уже обоих за руки. – Какая встреча!..

Внук Славка, уже пришедший в себя, подвинулся к взрослым, наострил уши.

– А ты, сорванец, марш домой, матери помогать надо, то есть, бабушке! Сегодня суббота, а у неё самый главный трудовой день!

– А сам-то, небось, не бежишь домой? – обиженно парировал Славка.

– Вот, посмотрите на него! Ужас какой-то! Разве мы отвечали так родителям?... Давай, давай! Я позднее приду. Встречи такие бывают раз в жизни, правда, ребята?

– Ты всё тот же, Тимоша, – улыбаясь и продолжая тянуть за руки друзей, заметила Изольда. Она раскраснелась и явно похорошела. Славка не сводил с неё глаз. До сих пор таких знакомых у его деда не было. Но, что делать, надо топать домой...

Октябрьский ласковый день будто тоже радовался этой встрече. И хотя листья уже облетели, но чистое небо с добрым солнцем разливало окрест особую, осеннюю благодать.

– Изольда, а ты ничуть не изменилась! – забегая вперёд и глядя на школьную подругу, расточал комплименты Тимофей.

– Ты что, Тимоша, столько лет прошло!

– А я говорю – не изменилась! – настаивал Тимофей, застёгивая куртку, облежавшую его широкую грудь и округлившийся живот.

– Так сколько у тебя детей, Тимофей? – Олег Петрович всё ещё был в непривычном для себя радостном возбуждении.

– А у тебя?

– У меня одна дочь.

– Эх, Олег Петрович! Оплошал ты в этом деле. А у меня – четверо! Да внуков пятеро!

– Боже мой, Тимоша! – Изольда так и ахнула. – Да как же ты с ними управляешься?

– Ты лучше спроси, как они со мной управляют! Все – хором – воспитывают меня!

– Это как же? – улыбнулся Олег Петрович.

– А так! Славка пытается из меня современного деда сделать. Ты думаешь, чё он к тебе подскочил? Я воюю, чтобы о куреве и не мечтал, а он говорит, что я отстал уже от жизни и первый встречный спокойно даст ему закурить!

– Да-а, куреву нынче и ещё куда-нибудь завести может, не говоря уж о водке.

– Кстати о водке. Неужели мы такую встречу – и не отметим?

Друзья рассмеялись.

– Да, Тимоша, трудный ты воспитуемый! – резюмировала Изольда. – Сочувствую твоим.

– Да ты что! Это ж я так... для форсу больше. А то бы давно выгнала меня Клавдия. Она у меня – ох, строга!

– Будешь строгой, когда детей столько, да и внуков, – добавил Олег Петрович. – Но в целом-то жизнью доволен?

– А как же! У меня дома, что ни день, – спектакль, что ни вечер – представление. Не соскучишься! А спорим – так это больше для дела. Да и жизнь-то сегодня такая, что и ангелы с пути сбиваются...

– Да у тебя они прямо в доме живут, ангелы-то! Я – о внуках...

– Ой, не говорите! Потом со всеми познакомлю. А умные какие! И откуда чего берётся! И стихи читают, и сказки рассказывают, и рисуют, и подавай им игры необыкновенные: кубики уже не устраивают!

Друзья миновали сквер и вышли к своему «фрегату», который вобрал в себя население нескольких старых улиц, в том числе Светлую, где жили когда-то пятеро друзей. Остановились у любимого места доминошников, присели за массивный стол.

– Это ж надо! Жить в одном доме и не встречаться! – никак не мог успокоиться Тимофей.

– А что ты хочешь, когда в доме 12 подъездов! К тому же я, к примеру, здесь недавно живу, – рассуждал Олег Петрович.

– А я всё больше по гастролям летала...

– А помните, откуда есть-пошла наша дружба?

– Еще бы не помнить! Анна Ивановна стала рассказывать, что означают наши имена и отчества. И вдруг выяснилось, что в классе – три Петровича...

– И Петровна! – подхватил Тимофей. – Тогда, помните, Анна Ивановна засмеялась и сказала, что уже есть ячейка...

– И удивительно, вечером мы встретились на улице!

– Конечно, удивительно. Ведь не договаривались...

– А через день на редколлегии познакомились с ещё одной Петровной...

– Точно, со мной!.. Правда, я тогда на вас ещё снизу вверх смотрела, совсем малявка была...

– А впрочем, это судьба нас сводила, – поставил точку Олег Петрович.

В это время к столу подбежала собака – вроде как дворняжких кровей, но довольно симпатичная, с глубоким и добрым взглядом.

– Ты чья? – Изольда прикоснулась к рыжей собачьей голове.

– А вы чьи? – в тон ей раздался густой приятный голос. Друзья повернули головы – и чуть не свалились все трое. Хорошо, что скамейка была широкая.

– Иван? – почти задыхаясь от всего только что пережитого и нового его всплеска, воскликнула Изольда.

Олег Петрович схватился за сердце. Тимофей впервые в жизни потерял все слова...

Иван стоял напротив и, привычно глядя доверчивую морду собаки, улыбаясь, смотрел на друзей...

– Господи, ещё один Петрович! – отняв руку от сердца, чуть не шёпотом, с глазами, уже почти влажными, – резюмировал Олег Петрович.

У Изольды волоокие глаза покрылись двойным туманом. Первым опомнился Тимофей, вскочил и начал тискать высокого, крупного Ивана.

– Нет, такое только раз в сто лет бывает! – Изольда тоже приходила в себя.

– А я тебя первую узнал. Как-никак, артисты больше известны, чем мы, смертные.

– И я не удивлюсь, – волнуясь, продолжил Олег Петрович, – если сегодня же объявится и наша Маша.

– Мария!.. Я как-то видел её мельком в автобусе, недалеко отсюда, но побоялся ошибиться, а она скоро сошла, – посетовал Иван.

– Да-а, Маша, Машенька!.. Какая-то она сейчас? Как живёт? Помню, встретил её тогда ещё, перед отъездом на Север, – когда этот горный инженер задурил ей голову... Летала, как на крыльях, а мать почему-то всё плакала. Так и вышло: ни любви большой не случилось, ни мать родную похоронить не смогла: телеграмма опоздала. Это мне уже её соседка рассказывала, – повествовал Тимофей...

– Я тебе покажу, как барахло китайское мне подсовывать! Ты у меня ещё попляшешь! – метрах в пяти хлопнула дверца машины, и решительная, в меру дородная женщина двинулась к первому подъезду, бросив незначущий взгляд на сидящих за доминошным столом.

– Мария! – что есть мочи крикнул Олег Петрович...

ЗА СТАЛЬНОЙ ДВЕРЬЮ

Не удивительно, что у Ивана Петровича, бывшего бухгалтера, был пёс. И не удивительно, что его звали Бим. После развода с женой, двадцать лет назад, и после неудачной своей любви к молоденькой секретарше, которая, почти обобрав его до нитки, скрылась в неизвестном направлении, – жизнь пенсионера без собаки, само собой, была бы просто одна сплошная тоска. Ни от жены, ни от сына, уже взрослого, – не было никаких вестей. Жена не простила ему измены и, видимо, в том же духе воспитала сына Сергея. Слава Богу, природа не обделила Ивана Петровича ни здоровьем, ни могучим духом. А недавняя встреча с друзьями юности опять заполнила жизнь чем-то очень тёплым и настоящим. Фотография Изольды, которая очень и очень нравилась ему ещё тогда, в школе, – была водружена на самое почётное место в центре массивного письменного стола. Раньше за ним Иван Петрович проводил бессонные ночи в ожидании очередной ревизии на фабрике, в десятый раз пересчитывал финансовые показатели, пока не убеждался, что придраться будет не к чему. Фантастическая аккуратность Ивана Петровича во всём не только стоила ему нередких розыгрышей на работе, но и снискала огромное к нему уважение, ведь за всем этим стояли средства, и немалые.

Как обычно, сегодня Иван Петрович отправился с Бимом в магазин и, как обычно, решил зайти в соседний подъезд к Григорию Гавриловичу, – что уже был слаб ногами и пользовался услугами Ивана Петровича во многих житейских делах.

Однако дверь отворилась почти сама собой, и тут же мимо него пронесли на носилках соседа...

– Что случилось? – успел спросить вслед, но не получил ответа.

Бим беспокойно скулил и буквально не пускал хозяина в чужую квартиру.

– Это ещё что? – возмутился Иван Петрович и, оттолкнув собаку, рванулся через прихожую в комнату.

Там сидела на стуле, рядом с пустой кроватью, дочка соседа, Наталья. У окна стоял муж, высокий и худой. Соседка, тётя Феня, что живёт этажом ниже, смахивала рукой слезы и причитала:

– Господи, ну зачем же так-то? Ну, пожаловался бы: может, и полегчало бы на душе...

– А на что жаловаться-то? – вскинулась Наталья. – Каждый выходной приходила, детей бросала своих, а порядок здесь наводила! Что он, не мог со мной поговорить по душам? Кто ему мешал?

– Гордость собственная, вот кто! – повернулся к ним мужчина. – Два-три раза я здесь был, и всё уходил с его выговорами. Не так живём, не то делаем...

– Так для вас-то, молодых, уже и время другое, а он в своём, никак, оставался. Душу-то не так просто развернуть! Да и нездоровье палки в колёса вставляет, уж по себе знаю...

– Господи, – не выдержала Наталья и откровенно, вздохнув, заревела. – Может, и по-другому надо было с ним!..

Иван Петрович подошёл к ней, положил большую тёплую руку на плечо.

– Не убивайся так, доченька. Тебе ещё растить детей надо! – И, обращаясь к соседке: – Что произошло-то?

– Да вот... наглотался этой дрянью... – она показала на тумбочку с лекарствами. – Врач сказал, вряд ли спасут.

– Вот так, все время только о себе думал! – вырвалось у мужчины. – Всё с гонором своим большевистским! Всё ему не так и не этак! Был бы покладистей...

– Да перестань ты, зануда! – крикнула Наталья в сердцах. – Мог бы, как мужчина с мужчиной...

– Ну вот, нашли наконец-то виновника! Пребольшое спасибо! – стукнул тот по оконной раме, отчего стекло опасно «взвыло».

– Не ругайтесь вы хоть сегодня! – прикрикнула на них тётя Феня. – Чё сейчас говорить, все виноваты! – и, почти плача: – Одинокий он был, вот в чём дело. Очень одинокий! Ну, ходили мы все, вот и Иван Петрович – никогда, ни в чём не откажет, а душа-то у Григория всё сиротиною маялась... Да и, надо сказать, ящик этот проклятый, – она показала на телевизор, – тоже здорово постарался!

– А причём тут ящик? – недовольно спросил мужчина.

– А притом! Нам-то некогда в него сутками глядеть, а он, бедный, и смотрел, и переживал! От одних новостей с ума сойти можно, а уж про фильмы и говорить нечего! Одни убийства, да разбои, да разврат! Вот и сгорала душа-то бедная, ведь выплеснуть-то всю горечь, поделиться – не с кем было!.. Я что, я баба простая, еле грамотная, со мной ему неинтересно было... – и тётя Феня заплакала снова.

– А, может, с пьянки он учудил всё это? – хладнокровно предположил мужчина.

– Не-ет, он уже два месяца не вспоминал о ней, проклятой злодейке: дыхание стало перехватывать от неё.

– Последнюю бутылку давно в мусорку выкинула, – подтвердила Наталья, и опять заплакала.

И только Бим переводил свои грустные глаза с одного на другого, потом спрашивал Ивана Петровича: «Может, пойдём? А то и мне плакать хочется».

– Наталья, если помощь понадобится – не стесняйтесь. Дай Бог, может, спасут, – и они с Бимом пошли по делам.

Но спасти Григория Гавриловича врачам не удалось. Под вечер позвонила Изольда – так, от нечего делать, но узнав о беде и прихватив по пути Олега Петровича, примчалась к Ивану.

Посидели за чаем, поговорили и об одиночестве, и о равнодушии людей друг к другу.

– Кстати, вспомнилось одно стихотворение, – вздохнула Изольда. -

Хорошие, в общем-то, люди,
Мы всё же неважно живём.
Как мало друг друга мы любим,
Как редко на помощь идём!
А после, опомнясь, латаем —
Всё то, что полезло по швам...
И тут, как назло, не хватает —
Ни ниток, ни времени нам... —

и заключила:

– Нельзя нам теперь терять друг друга, никак нельзя!

– Да, понаставили стальных дверей да решёток на окна, чтобы добро сберечь, а про душу-то и забыли! – продолжая разговор, резюмировал Олег Петрович. – Тут виновато одиночество, а в другом случае – крайняя бедность на крайности толкает. Уже без стеснения в мусорных баках люди роются. А ведь не всякий такое унижение способен вынести!.. И дети – они тоже разные. Эти хоть навещали старика, быт устраивали, а есть и такие, что гуляют по белу свету, тоже полуниницы, до «предков» ли им! Когда зачастую – ни работы, ни зарплаты нормальной...

– Но как-то надо сопротивляться, нельзя же вот так, – почти про себя рассуждала Изольда.

– Что делать, не все бойцами рождаются, – вздохнул Иван Петрович. – А государству пока не до нас...

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Сегодня друзья впервые собрались все вместе и, естественно, – у Олега Петровича. Лидер есть лидер, сколько бы не прошло лет с юношеской поры.

– А ты, Олег, неплохо устроился! Вон, хоромы какие!

Тимофей восхищённо оглядывал большую комнату.

– Ну уж, хоромы! Обыкновенная квартира. Просто из трёх комнатёнок две сделал.

– И сам, слава богу, неплохо смотришься! – радовался Тимофей.

– Если вам угрожает старость, пожалуйста на неё в милицию, – парировал Олег Петрович.

– И пенсия, наверное, неплохая?

– И тут ничего особенного. Я ведь был вынужден уйти, что называется, в отставку. А с того момента многое закрутилось не так, как надо.

– А что случилось? – Мария всё ещё вглядывалась в Олега Петровича, будто вспоминая того, прежнего: молодого, энергичного, всегда подтянутого, всё разумеющего... Она знала, что нравилась Олегу, причём не на шутку. Но Марии тогда казалось, что Олег – какой-то не слишком натуральный, что ли. Уж чересчур хорош, уж слишком удачлив. И когда на выпускном вечере объявился тот самый горный инженер – дерзкий, веселый и в то же время необыкновенно чуткий к робкому девичьему сердцу, – судьба будто бросила Марию в его объятия...

– Да не хотелось бы сегодня ворошить всё это, – отвечая на вопрос Марии, проговорил хозяин.

– Ну, чего там, дед, рассказывай, куда деваться, – в дверях гостиной стояла Лена.

– Ну, Олег, не тяни! Мы же друзья! Или не так? – Тимофей со знанием дела допил рюмку, закусил грибочком и развернулся к Олегу Петровичу, мол, весь – внимание.

– Ладно, что делать. Закончил институт, уехал по направлению в Пермь. Заметили – и как инженера, и как секретаря комсомольского. Вскоре женился. Не знаю, по любви ли... Так получилось: часто стал бывать у одного видного обкомовского начальника, а у того – дочь, Светлана. Вскоре был уже заведующим отделом. Энергии, ума – хватало, и через два года уже был третьим секретарём обкома.

– Это ты всё вверх шёл, так? – Иван Петрович по привычке расставлял точки над «и».

– Точно, так оно и было. Порою даже не верилось, уж чересчур гладко и красиво всё выходило.

– Но судьба не любит однообразия, – вступила Изольда, почти улыбаясь. Она чувствовала на себе взгляды Ивана Петровича, такие же откровенные, как много лет назад. И от этого, и оттого, что сумела как женщина сохранить всё-таки желанную внешность, и оттого, что наконец-то все снова встретились, буквально сияла. Ей не раз говорили о сходстве в глазах, фигуре, причёске, поведении – с Ириной Мирошниченко, а она была Изольдой Горской и вовсе не стремилась ни на кого походить.

– Понятно, в каждой избушке свои погремушки. Олег, не тяни kota за хвост! – Тимофей почти стукнул рукой по столу, отчего его всё ещё густая шевелюра колыхнулась.

– Ладно, только коротко. Не хочется портить встречу... Однажды, и уже в который раз, поехали на «царскую охоту» в заповедник. Там был участок, законом отведённый для того. В этом плане – никакого криминала. Естественно, было немало людей, обслуживавших всё это. Первый меня звал с собой, потому что потом за столом я устраивал всем буквально мозговую атаку, что-то вроде нынешних модных кроссвордов. Ну, конечно, щадя самолюбие Первого... В общем, получалось и занятно, и полезно, без пошлых анекдотов и прочих сальностей.

– Да вы всегда были такой молодец! – Изольда, румяная от вина, всё ещё почти радостно слушала старого друга.

– Нет уж, какой молодец! Слушайте дальше, раз завели. – Олег Петрович уже сам «гнал коней». – В ту охоту ранили одного из помощников егеря.

– Как, ты? – Мария невольно расширила и без того большие, красивые голубые глаза.

– Нет, не я. Но беду свалили на меня. Я должен был, по раскладу, быть близко от него. И как-то весть эта очень быстро разнеслась... До суда Первый не дал довести дело, пострадавшему оказали всяческую помощь, а я оказался без вины виноватым: один давний мой недоброжелатель, бывший на охоте, подставил меня.

– Это как же, Олег Петрович? Почему сдались? – Изольда почти нежно смотрела на него.

– А так. В ту ночь я был у одной женщины в соседнем посёлке.

– Любовницы? – уточнил Тимофей.

– Какая разница, как назвать. Несколько лет я под разными предлогами ездил к ней. Работала она заведующей библиотекой. Влюбилась в меня в первую же встречу. Мне сначала было приятно, щекотала самолюбие её преданность, незнакомая мне прежде, а потом и сам уже искал встречи.

– И ты не мог, конечно, раскрыть своё алиби? – Иван Петрович даже подался вперёд.

– Конечно, тогда это было ещё худшим преступлением. И не хотелось ранить ни жену, ни ту, Ксюшу... Так что подал я в отставку, обменял квартиру на Подмосковье и уехал с семьёй.

– Ну, так невелика беда! Подумаешь, из больших чиновников турнули!.. Или... ещё что-то? – пытал хозяина Тимофей.

– То-то и оно. Через два года стал я получать в конвертах угрозы. Обратного адреса на них не было. Потом всё прекратилось, и я уж, было дело, вздохнул... И вот, год назад погибла Светлана. Официальная версия – попала под машину. А вскоре угрозы возобновились... Я догадывался, что это тот самый помощник егеря, и даже ездил туда, где он раньше жил. Сказали, что с семьёй у него не склеилось, уволился, уехал, адрес новый никому не сообщил. А на последних «посланиях» был уже здешний штамп.

– Значит, он где-то рядом? – с тревогой предположила Мария...

– Боже мой, вот и встретились! – Изольда чуть не заплакала.

– Вот и встретились! И сейчас Олег – не один! И мы всё сделаем, чтобы... – Тимофей от волнения запнулся.

– Да ладно, ребята, хватит об этом. Изольда, прочитай что-нибудь для нас, – Олег Петрович чувствовал себя виноватым.

– А что? – Изольда задумалась.

– Ну, об осени что-нибудь! День-то вон какой! Загляденье просто! – и все вслед за Марией взглянули в окна...

– Хорошо, слушайте.

Ах, время сердито, и даже, и даже
Не слишком перечит вражде и корысти, —
Но снова спасут и дорогу укажут
Кленовые листья, кленовые листья...

А что же любовь? И сомненья, и споры,
Бессмысленной ревности ветер неистов,
Но живы счастливых мгновений узоры —
Кленовые листья, кленовые листья...

А что же друзья? Так же бьются, наверно,
За хлеб и надежду, и скупы на письма,
Но вечно хранят нашу дружбу и верность

Кленовые листья, кленовые листья...

Так, значит, мы все – хоть немножко – поэты,
И выживет голос, влюблённый и чистый,
И снова светло разлетятся по свету
Кленовые листья, кленовые листья...

– Спасибо, Изольда. Нам крепко повезло с тобой, – правда, друзья? – спросил Олег Петрович. – Конечно, тешит самолюбие, что известная артистка – наша подруга, но главное – друг настоящий, да ещё такой талантливый!

– Ну, ребята, вы меня смущаете. Искусство – такая же трудная работа, как и все остальные. Просто больше на виду, вот и всё. И давайте сменим тему, ей богу!

– Ну, что ж, если хотите, перейдём на собачью историю. У меня немало знакомых собаководов, так что недостатка в этих историях нет. Хотя... если честно, это ведь истории о нас! – включился в разговор Иван Петрович.

– Заинтриговали, Иван Петрович! Давайте – вперёд и с песней! – поддержала Мария, с которой снова не сводил глаз Олег Петрович...

– Ну, слушайте, – с удовольствием согласился Иван Петрович. – На территории ЖКХ, что недалеко отсюда, объявилась собака. Недолго думая, электрики назвали её Фазой. В котельной, где была их коптёрка, она появилась неожиданно и, наверное, к обеду. Тогда здешний народ заметно смягчается. Небось и подбросить чего-нибудь было этой, невесте откуда взявшейся дворняжке... Так или иначе, мужики признали её, стали подкармливать, за что рыжая подружка платила нежностью, заглядывая ласково в глаза, и верностью, не пуская в коптёрку чужих. Особенно рьяно набрасывалась на женщин.

– Это почему же? – спросила Мария с иронией.

– Видно, благодаря бывшей хозяйке... Но пойдём дальше. Однажды от нечего делать Фаза увязалась за Николаем – высоким добродушным человеком, и как-то вдруг оказалась у него в гостях, благо жил он совсем близко. Тут-то и произошла её первая встреча с четвероногим хозяином квартиры Джеком, тоже не больно породистым, но зато вполне гордым псом. По старшинству своему и мужскому достоинству скандала он учинять не стал. Видно, подумал: бог с ней, пусть себе забавляется, уйдёт ведь туда, откуда пришла на обед с хозяином. Бедный пёс и не думал, чем грозит ему это случайное знакомство.

– Известно, чем – женским коварством! – засмеялся Тимофей.

– Можно подумать, что и ты натерпелся... – в тон ему заметила Изольда.

– А в жизни много чего бывает! – уклончиво парировал друг. – Но – Иван, а что дальше?

– А Фазе, этой невоспитанной особе, очень даже понравилось в гостях. И голодной не осталась, и квартира приглянулась: есть где погулять. К тому же этот, с серыми подпалинами тип, вроде и не злится. И после обеда, на работе, Фаза буквально не отходила от Николая. А уж когда вечером он двинул к дому, что началось! Забежит по тропке вперёд, стойку сделает, повернется перед ним и так, и этак, дескать, разве я не моложе, не красивее той, в серых подпалинах, псины? А уж как любить буду, – говорили её карие глаза, – век не пожалеешь, что встретил меня!

Николай, конечно, всё понял, усмехнулся по-доброму: так и быть. Вот только как бабы дома посмотрят! Две собаки – нынче дело хлопотное.

– Уж это точно! – не удержался Тимофей. – На даче, было дело, двоих завёл, так после пожалел: то спать не дают, то разнимаешь в драке...

– Тимофей Петрович, давайте дальше слушаем! – взмолилась под общий смех Лена.

– Так вот, дома у Николая Фаза слышала, как долго и громко выговаривала ему хозяйка. Забившись в угол и дрожа от волнения, она молилась по-собачьи за Николая и, видя его упор-

ство, чуть не плакала от благодарности к своему благодетелю. И, наконец, измучившись от переживаний, заснула...

А Джек, не дождавшись праведного суда над самозванкой, так и не смог сомкнуть глаз. И никому не узнать, что передумал он, что перечувствовал в эти долгие чёрные часы... Но утром, когда хозяйка выносила ведро с мусором, он тихо вышел из квартиры и пропал навсегда, даже не попрощавшись с Николаем. Видно, не смог простить «предательство» даже любимому хозяину.

– Какая благородная гордость! – не удержалась Изольда.

– А дальше... – продолжил Иван Петрович, – погрустил Николай, погрустил, да что делать. Надо жить. А Фаза, будто всё на свете понимая, платит ему сейчас такой любовью и верностью, такой готовностью пожертвовать собой ради его спокойствия, – что как только выдерживает ее сердечко! И если есть собачье счастье, то вы увидите его в этих карих преданных глазах...

– Господи, я даже прослезилась, – поднесла платок к глазам Изольда. – Это ж судьба – не проще человеческой!

– Спасибо, Иван Петрович. Вот бы детям такие рассказы читать почаще! Может, помягче были бы... А то ведь – страшно иногда рядом оказаться. Мат, грубость, а то и жестокость к своим же товарищам, – заметил Олег Петрович.

– А всё потому, что перестали любить настоящую литературу! Поэзию, к примеру. Мне тут на глаза попало одно стихотворение, я его иногда читаю на концертах. Послушайте.

Ах, хорошо бы – о хорошем!
Но темь гуляет даже днём.
Да нет, мы вовсе не о прошлом,
Когда потерям счёт ведём.

Душа побитая стенает
И всё не тает в горле ком,
Когда Державина не знают,
А Пушкин только чуть знаком.

Как можно толковать о чём-то,
Когда душа – на вертеле,
Когда с ума сошли девчонки,
И от бесстыдства в том числе!

Пред Богом преклонить колени
Я за других сегодня тшусь, —
И смотрит Запад вожаденно
На некогда святую Русь...

– Да уж... – согласился Олег Петрович. – Но не будем сегодня грустить. Я, к примеру, просто счастлив видеть нас всех вместе!

– А кто спорит! Этот день мы впишем в календарь! – пафосно заключил Тимофей и поднял рюмку: – За дружбу!

Вечер встречи друзей продолжался.

ОБМАНУТЫЕ

Суббота. Тимофей с внуком Славкой ходят по местному рынку, закупают на неделю продукты, изредка заглядывая в список, что дала Клавдия.

- Ну, что там ещё осталось? – Тимофей достал из кармана «шпаргалку».
- Дед, бабушка про горошек зелёный говорила! Помнишь?
- Доберёмся и до горошка. Так, значит – котлеты есть, рыба есть, масло тоже...
- Дед, а чё это люди у весов толпятся? А продавца нет!
- Так это же контрольные весы! Кто сомневается – идёт сюда и проверяет...
- На обман, да? Как интересно!.. А что потом?
- Ну, потом идут к продавцу права качать...
- То есть, требуют своё?... Дед, а давай и мы...
- Да ну тебя! Не люблю я это... Ещё потом облают ни за что, ни про что.
- Дед, ну давай проверим!
- Да что это тебя взяло?
- Ну, если... того... Разницу ты мне отдашь, ладно?
- Ах ты, чёрт полосатый! А я-то думаю, чего это он в справедливость ударился? На что деньги-то надо?
- И на кино, и на мороженое, сам знаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.